

К. В. Усынин

Учащийся 9 В класса МБОУ городского округа «Город Архангельск» «Эколого-биологический лицей им. академика Н.П. Лавёрова», член Международного научно-творческого объединения «Родимая земля» им. Н.М. Рубцова

Научный руководитель - Т. Г. Чегодаева, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории МБОУ «Гимназия № 21 им. лауреата Нобелевской премии И.А. Бродского», член Международного научно-творческого объединения «Родимая земля» им. Н.М. Рубцова

Николай Рубцов и Иосиф Бродский – два параллельных курса русской ПОЭЗИИ

В статье автор делает сравнительный анализ творчества двух гениев русской поэзии – Николая Рубцова и Иосифа Бродского. По данной теме К.В. Усынин выступил на III Архангельской городской молодёжной открытой научно-практической конференции «Достигают счастья лишь в пути...» Николай Рубцов: известный и незнакомый» 19 января 2024 года, завоевав I место (Секция «Рубцов – Бродский – Есенин...»).

Ключевые слова: Николай Рубцов, Иосиф Бродский, Русский Север, Никола, Норинская, романтическое двоемирие, образ холмов.

Введение

На фоне возрастающей известности двух писателей-современников Николая Рубцова и Иосифа Бродского появляются разногласия по поводу сопоставления двух лириков. Можно ли сравнивать творчество данных двух поэтов, проводя параллели? А может, это два абсолютно разных творческих мира?

Цель исследования: сопоставление поэзии Николая Рубцова и Иосифа Бродского.

Объект исследования: творчество Н. М. Рубцова и И.А. Бродского.

Предмет исследования – пересечение литературных миров Н.Рубцова и И. Бродского

Задачи: изучить биографию обоих поэтов, провести сравнение; на основе сравнения выявить, есть ли моменты, общие для Н. Рубцова и И. Бродского, при наличии составить сравнительную таблицу; провести анализ стихотворений и определить наличие мест пересечений в творчестве двух личностей.

Основная часть

На рубеже 50 – 60-х годов прошлого века в Ленинграде встретились два молодых по-

эта, известные всего лишь узкому кругу своих друзей и поклонников. Оба они с разницей в несколько лет написали по стихотворению, каждое из которых постепенно становилось знаменитым и делало «широко известными в узких кругах» своих создателей.

Имена поэтов-провидцев сейчас известны всем – это Иосиф Бродский и Николай Рубцов, сочинившие стихи о пилигримах, бредущих по земным дорогам.

Есть мнение, что поэты существуют парами. Можно, конечно, с этим спорить, но никуда не деться от связанных друг с другом А. Пушкина и М. Лермонтова, Ф. Тютчева и А. Фета, А. Блока и Н. Гумилёва, С. Есенина и В. Маяковского, М. Цветаевой и А. Ахматовой. И И. Бродский, и Н. Рубцов, разумеется, хорошо знали об этом феномене русской поэзии и прозы, но вряд ли они знали и даже предполагали, что и у них есть пара. И где-то должен был быть другой, второй поэт-пара. И он был. Пара мистическим образом всегда была очень близко и бесконечно далеко: и в жизни, и в смерти, и в стихах, и в пророчествах, и в судьбе.

Николай Рубцов и Иосиф Бродский – современники. Их судьбы – два варианта пу-

ти одарённого, талантливого человека в условиях ограничений советской эпохи. Достоверных сведений о том, что они были лично знакомы, нет. Однако они слышали стихи друг друга, так как принимали участие в одних и тех же поэтических встречах в Ленинграде. Известно, что в записной книжке Н. Рубцова сохранился номер домашнего телефона И. Бродского: Ж-2-65-39. И. Бродский предусмотрительно заранее защитил трагическое родство поэтов:

В будущем цифры рассеют мрак,
Цифры не умира.

Только меняют порядок, как
телефонные номера... («Полдень в комнате», 1978 г.)

Разница между поэтами в условиях жизни и воспитания – колоссальная! Рубцов – сирота, при живом отце воспитывавшийся в детском доме. С тех пор и навсегда, во многом определяя характер лирики поэта, «затаится и застоится на дне сиротской души боль невыносимой утраты». [1] Бродский – любимое дитя в ленинградской интеллигентной семье, с детства уверенный, что родители его любят и принимают.

И, тем не менее, есть странные точки соприкосновения. Несмотря на то, что на первый взгляд, художественные миры двух великих поэтов второй половины XX века Иосифа Бродского и Николая Рубцова могут показаться очень разными, у них много общего, как в поэтике, так и в судьбе.

И Рубцов, и Бродский увлекались морской тематикой. Море, странствия, служба на флоте притягивали их. Иосиф Бродский сказал: «Вообще у меня по отношению к морскому флоту довольно замечательные чувства. Уж не знаю, откуда они взялись, но тут и детство, и отец, и родной город... Как вспомню Военно-морской музей, Андреевский флаг – голубой крест на белом полотнище... Лучшего флага на свете вообще нет!». [2] Однако ни тому, ни другому так и не удалось связать жизнь с кораблём. Всё, что осталось от этой мечты, – воспоминания, а у Рубцова – многочисленные стихотворения о море. В них отражается повседневность матросской службы с выходами в дозор, учебными атаками, мечтами об отпуске и встрече с близкими.

Рубцова и Бродского роднит особое мировосприятие, в основе которого лежит кон-

цепция романтического двоемирия, мира реального и высшего, идеального. Источником, обусловившим романтическое мироощущение, присущее обоим поэтам, во многом послужил для них Русский Север, деревня.

«Читая стихи Николая Рубцова, нетрудно проследить, хотя бы в основных вехах, весь его недолгий жизненный путь, почувствовать постоянный духовный поиск, уловить поэтическое прозрение им судьбы своей», – сказал Василий Оботуров, друг Рубцова по институту, а позже критик [3]. Бродский, хотя и прошёл достаточно длинный путь жизни, был таким же духовным странником, пилигримом «судьбы своей». Подробности жизни поэта – всегда в его стихах.

С юности Николай Рубцов будто бы предвидел свою судьбу, когда – ещё в Ленинграде – написал:

Брал человек
Холодный мёртвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова –
Вот так же высекать
Огонь из слова!.. («Брал человек...»,

1962 г.)

Рубцов этими строками описал не только свою дальнейшую судьбу, но и судьбу Бродского – непринятие в обществе и вечные скитания. Они вынуждены из «холодного мёртвого камня высекать пламя» так, как они «высекают огонь из слова».

Никола в творчестве Рубцова и ссылка в деревню **Норинскую** Бродского. Два необыкновенно творческих периода у этих поэтов совпали хронологически (1964-1965 гг.). В 1964 году Николая Рубцова отчислили из Литературного института, и он уехал в деревню Никола. Рубцов, выросший в этой среде, питался образами реки Толшмы, но не находил понимания у деревенских людей. В том же году Иосифа Бродского судили за тунеядство и отправили в ссылку в Архангельскую область в деревню Норинская, близ станции Коноша, на границе Вологодской и Архангельской областей. Бродский, ошеломляющий новомодными заграничными джинсами жителей деревни, где в тот момент не было даже электричества, и падающий в обморок от тяжёлого физического деревенского труда, был

уважаем колхозниками. Это писатели с разных планет, и тем более удивительно, что их поэтические образы и прозрения очень близки.

По прямой между поэтами было километров двести. Для двух имён такого всемирного масштаба это одна географическая точка. Трудно удержаться от соблазна привести здесь отрывки: из Рубцова – «Люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу» («Родная деревня», 1966 г.), из Бродского – «Отскакивает мгла от окон школы, звонят из-за угла колокола Николы» («Отскакивает мгла», 1964 г.) Оба они были вынуждены пребывать в деревне. Их поливал один «архангельский дождик». Снег выпадал и таял в один день. Они собирали грибы и ягоды, встречались с друзьями, каждый со своими, если только к ним кто-то приезжал. Крайне продуктивный период пребывания поэтов в Норинской и Николе можно назвать «Болдинской осенью» обоих поэтов.

31 мая 1964 года Иосиф Бродский, хоть и по другому поводу, но написал очень показательные строки:

Два путника, зажав по фонарю,
Одновременно движутся во тьме,
Разлуку умножая на зарю.
Хотя бы и не встретившись в уме.

(«Для школьного возраста» 1964г.)

Этот отрывок никак не относится к Рубцову, однако очень точно описывает связь между ним и Бродским, которые, как два вечно странствующих путника, незнакомых друг с другом в жизни, движутся во тьме, то есть в неизвестное, мрачно представляющееся будущее.

Непосредственный поэтический диалог двух лириков состоялся в 1962–1964 годах. Рубцов, по мнению литературоведа В. Белкова, не мог не знать стихотворения И. Бродского, написанного в 1962 году: [4]

Ты поскачешь во мраке,
По бескрайним холодным холмам,
Вдоль берёзовых рощ,
Отбежавших во тьме к треугольным
домам...
(«Ты поскачешь во мраке,
по бескрайним холодным холмам...».
См. приложение 1)

Стихотворение Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» написано в 1964 году:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времён...
(См. приложение 2)

Даже по этим коротким отрывкам видно, насколько близки два стихотворения. Но Рубцов всегда отвечал сильно и по-своему. И на вопрос Бродского –

Кто там скачет в холмах,
Я хочу это знать,
Я хочу это знать –

Рубцов ответил твёрдо и определённо. Он сказал о себе и о России:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,

Неведомый сын удивительных вольных племён!..

Об этом удивительном диалоге размышляет и Н. Коняев: «Случайно ли, что в стихотворении И. Бродского: “Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам...” и Н. Рубцова: “Я буду скакать по холмам...”, написанных в одно время, есть почти цитатные совпадения? Ясно, что оба стихотворения писались в предчувствии тех перемен, что уже отчётливо осознавались многими; в стремлении понять, определить для себя духовные ценности, не зависящие от соответствия их литературной и общественной ситуации. Стихи писались как попытка увидеть сквозь время и свою судьбу, и судьбу народа. И, конечно, это прозрение не могло быть рациональным, логическим...». [5] В обоих стихотворениях присутствует мотив движения, скачки по холмам. Он символизирует движение по дороге жизни, которая у поэтов извилистая и тернистая.

В 1990 году была выпущена книга Николая Рубцова «Видения на холме» (См. приложение 3), а в следующем, в 1991 году, Иосифа Бродского – «Холмы». Специальной связи между этими двумя событиями нет, но совпадение совершенно не случайно. Бродский объясняет, что такое холмы:

Холмы – это наша юность,
Гоним её, не узнав.
Холмы – это сотни улиц.
Холмы – это сонм канав.
Холмы – это боль и гордость.
Холмы – это край земли.
Чем выше на них восходишь,
Тем больше их видишь вдали.
Холмы – это наше страданье.

Холмы – это наша любовь.
Холмы – это крик, рыданье,
Уходят, приходят вновь.
Свет и безмерность боли,
Наша тоска и страх,
Наши мечты и горе,
Всё это в их кустах... («Холмы», 1962 г.)

В другой части стихотворения он говорит, что равнина – это смерть, холмы – это жизнь:

Смерть – это только равнины.
Жизнь – холмы, холмы.

Стоит отметить, что Рубцовские «Видения на холме» изначально назывались «Видения в долине». Не увидишь долины всей, не забравшись повыше. Так и Россию, Русь, про которую говорит Рубцов, не объемишь, не забравшись на холм. Смотришь сверху – вся Россия, огромная, живая, как на ладони. На холме герою открывается видение движения России сквозь века. На равнину, на смену смерти, тёмным видениям прошлого, пришёл свет настоящего, озаряющий и оживляющий Родину, а над головой героя – «бессмертных звёзд Руси покойное мерцанье...».

Значит, оба поэта связывали образ холмов с мотивом движения. Скачка, движение – это жизнь. Пока ты скачешь по холмам, ты жив и жива твоя душа. Это движение по холмам вперёд, вверх, к успеху, к небесам, к солнцу, к звёздам, к высшему, идеальному миру. Движение по жизненному пути. Если твой путь лежит по равнине, то твоя душа умирает, так как нет стремления добиваться высот, следовательно, и вперёд, по дороге жизни, ты идти не захочешь. Это нам пытаются донести Рубцов и Бродский.

Есть в этих стихах необъяснимое сходство, в котором и слова, и ритмы, и картины, предстающие читателю, стремятся догнать друг друга, и общая тревога и тайна объединяют их. Необъяснимые сближения и расхождения. Порой в одном – единственном слове. И словно доказательством тому ещё два знаменитых стихотворения:

Был чёрный небосвод светлей тех ног,
и слиться с темнотою он не мог.
В тот вечер возле нашего огня
увидели мы чёрного коня...
...Зачем он чёрным воздухом дышал,
раздавленными сучьями шуршал?

Зачем струил он чёрный свет из глаз?
Он всадника искал себе среди нас.

(И. Бродский. «В тот вечер возле нашего огня...», 1962 г.)

Лошадь белая в поле тёмном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещающая осенний мрак...
...Только изредка над паромной
Над рекою, где бакен жёлт,
Лошадь белая в поле тёмном
Вскинет голову и заржёт...
(Н. Рубцов. «На ночлеге», 1968 г.)

Н. Коняев писал: «У Иосифа Бродского прозрение рождается в сгущении мистических сумерек полудогадки: А Николай Рубцов, наоборот, словно бы пытается вызвать из глубины памяти всё самое светлое, чтобы рассеять надвигающийся мрак...» [6].

Проживая в деревнях, поэты дышат одним воздухом, смотрят на одни и те же звёзды, оба много пишут и ещё больше читают. Читали они не одни и те же книги и писали по-разному, но в чём-то сходясь, сближаясь, как всадник на белом и всадник на чёрном коне. Только всадники разные, и пути их никогда не могут сойтись, ибо суждено им идти параллельно.

Заключение

Судьбы двух гениальных поэтов постоянно друг с другом пересекаются, порой кажется, что Рубцов и Бродский – один человек. Череда настолько похожих друг на друга событий, причём в одно и то же время, стихотворений, написанных буквально одинаковыми словами, казалось, невозможна. Однако данные поэты доказали обратное. Они очень разные. Рубцов – это пример того, как на скудной, практически не пригодной к жизни почве мог вырасти такой прекрасный цветок русской души, русской деревни. Рубцов – снискавший навсегда народную любовь и славу и ничего этого уже не увидевший. Он навсегда был связан со своей Родиной, большой и малой, и ни на что бы её не променял. И поэзия Николая Рубцова была посвящена русской деревне и родине. Бродский – изгнанный из России, нашедший признание на

чужбине, но так до конца и не понятый на Родине. У каждого из них своя дорога.

Советская жизнь поставила уникальный эксперимент: два гениальных поэта, как два близнеца от искусства, шли своей дорогой, параллельной дорогой, однажды чуть ли не столкнувшись на Невском проспекте в Ленинграде. И, будучи незнакомыми друг с другом, доказали один и тот же тезис, который сейчас знают все: для своего признания нужно перейти в другой мир – у Рубцова – смерть, у Бродского – изгнание с Родины.

Приложения

Приложение 1

Иосиф Бродский

Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам...

Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам, вдоль берёзовых рощ, отбежавших во тьме, к треугольным домам, вдоль оврагов пустых, по замёрзшей траве, по песчаному дну, освещённый луной, и её замечая одну.
Гулкий топот копыт по застывшим холмам – это не с чем сравнить,
это ты там, внизу, вдоль оврагов ты вьёшь свою нить, там куда-то во тьму от дороги твоей отбегает ручей, где на склоне шуршит твоя быстрая тень по спине кирпичей.
Ну и скачет же он по замёрзшей траве, растворяясь впотьмах, возникая вдали, освещённый луной, на бескрайних холмах, мимо чёрных кустов, вдоль оврагов пустых, воздух бьёт по лицу,
говоря сам с собой, растворяется в чёрном лесу.
Вдоль оврагов пустых, мимо чёрных кустов, – не отыщется след,
даже если ты смел и вокруг твоих ног завивается свет, всё равно ты его никогда ни за что не сумеешь догнать.
Кто там скачет в холмах... я хочу это знать, я хочу это знать.
Кто там скачет, кто мчится под холодной мглой, говорю, одиноким лицом обернувшись к лесному царю, – обращаюсь к природе от лица треугольных домов: кто там скачет один, освещённый царицей холмов? Но еловая готика русских равнин поглощает ответ, из распахнутых окон бьёт прекрасный рояль, разливается свет,
кто-то скачет в холмах, освещённый луной, возле самых небес,
по застывшей траве, мимо чёрных кустов. Приближается лес. Между низких ветвей лошадиный сверкнёт изумруд.
Кто стоит на коленях в темноте у бобровых запруд, кто глядит на себя, отражённого в чёрной воде, тот вернулся к себе, кто скакал по холмам в темноте.
Нет, не думай, что жизнь – это замкнутый круг небылиц, ибо сотни холмов – поразительных круп кобылиц, из которых в ночи, но при свете луны, мимо сонных округ, засыпая во сне, мы стремительно скачем на юг.
Обращаюсь к природе: это всадники мчатся во тьму, создавая свой мир по подобию вдруг твоему, от бобровых запруд, от холодных костров пустырей до громоздких плотин, до безгласной толпы фонарей.
Всё равно – возвращенье... Всё равно даже в ритме баллад есть какой-то разбег, есть какой-то печальный возврат, даже если Творец на иконах своих не живёт и не спит, появляется вдруг сквозь еловый собор что-то в виде копыт.
Ты, мой лес и вода! кто объедет, а кто, как сквозняк, проникает в тебя, кто глаголет, а кто обиняк,

кто стоит в стороне, чьи ладони лежат на плече, кто лежит в темноте на спине в ледящем ручье.
Не неволь уходить, разбираться во всём не неволь, потому что не жизнь, а другая какая-то боль принакает к тебе, и уже не слышать, как приходит весна, лишь вершины во тьме непрерывно шумят, словно маятник сна.
1962 г.

Приложение 2

Николай Рубцов

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времён...
Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть, за труд и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках пронёс!
И быстро, как ласточки, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнувшем шуме
Весенние воды, и брёвна неслись по реке...
Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звёздная люстра,
И лодка моя на речной догнывает мели.
И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, –
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..
О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!
Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля – останься, моё божество!
Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..
Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревьев.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую лёгкую тень.
И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивлённой старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...
1964 г.

Приложение 3

Николай Рубцов

Видения на холме

Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы будто наяву,
Блеснёт в глаза кривым ножом монгола!
Пустынный свет на звёздных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь –
Куда я ни взгляну!
За все твои старания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в твои леса и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы,
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,

А лес крестов в окрестностях России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смиренно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной – бессмертных звёзд Руси
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье...
1962 г.

Приложение 4

Сравнительная таблица биографических фактов Н. Рубцова и И. Бродского [7]

	Н. Рубцов	И. Бродский
Дата рождения	3 января 1936 г.	24 мая 1940 г.
Место рождения	Емецк, Северный край.	Ленинград
Образование	7 классов (в 1962 г. закончил вечернюю школу)	7 классов (без аттестата зрелости)
Профессии	кочегар матрос слесарь шихтовщик учёба в горном техникуме (не закончена)	кочегар матрос фрезеровщик техник-геофизик
Начал писать	1957 г.	1955 г.
Первые шаги в профессиональной поэзии	Ленинград	Ленинград
Год и место уезда в деревню	1964 г., Вологодская обл.	1964 г., Архангельская обл.
Год «реабилитации»	1965 г. – восстановление в Литинституте	1965 г. – досрочное освобождение
Судьба	1971 г. – смерть	1972 г. – изгнание с Родины

Библиографический список:

1. Рубцов Н.М. Стихотворения / [Вступ. ст., и коммент. В. А. Оботурова]. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Волог. отд-ние, 1985. – 191 с., портр. – (Сер. «Рус. Север»).
2. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – Изд-во: Эксмо. Издательская группа, 2013. – 448 с.
4. Белков В. Воспоминания о Николае Рубцове : [сборник / сост. В. Коротаев]. – Вологда, 1994. – С. 407-424.

5. Коняев Н. Путник на краю поля. – М.: Роман-газета, 1993.

6. Отчизна и воля [Текст] : книга о поэзии Николая Рубцова / Виктор Бараков ; Департамент культуры Вологодской обл., Вологодская обл. универсальная науч. б-ка, Вологодский гос. пед. ун-т. - Вологда : Книжное наследие, 2005. – 166 с.

©Усынин К.В., 2024